

Материнская слава

**Сборник литературных произведений о
матери**



ГБУ Тувинская республиканская детская библиотека им. К. И. Чуковского
Информационно-библиографический отдел

6+

Материнская слава
Сборник литературных произведений
о матери

КЫЗЫЛ, 2021

ББК 84 (Сб)

М 33

Материнская слава: сборник литературных произведений о матери / сост. Чавынчак Д. А. ; ГБУ ТРДБ им. К. И. Чуковского. – Кызыл, 2021. – 46 с. – Текст : непосредственный.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слово мама – особое слово. Оно рождается с нами, сопровождает нас в годы взросления и зрелости. Мама – нет дороже слова, мама – это целый мир... Празднование Дня Матери началось еще в Древнем Риме, когда люди славили богиню земли и плодородия. В христианстве этот праздник связан с чествованием Покровы Божьей Матери.

С 1998 года в России в последний воскресный день ноября празднуется День Матери, Хранительницы очага. Это своеобразный день благодарения, выражения любви и уважения мамам. Они дали нам жизнь, ласку и заботу, согрели любовью. Слова «мама», «мать» - одни из самых древних на Земле и почти одинаково звучат на языках разных народов. Это говорит о том, что все люди почитают и любят матерей. Любовь матери безгранична, она не знает преград на своём пути. Забота мамы как невидимое крыло оберегает и защищает нас всю жизнь. Доброе мамино слово, как бальзам, лечит наши душевные раны, напутственные слова никогда не причинят нам вреда. Каждый человек помнит свою маму. И каждый по-своему выражает свою любовь и уважение матери. А особо талантливые писали рассказы или сочиняли стихи, музыку, посвященные матери.

Сборник литературных произведений «Материнская слава» состоит из 2 частей:

Рассказы о матери. В первой части рассказы о матерях советских и детских писателей, которые были написаны в разные годы. Представить невозможно, что мама может быть одна. Где мама, женщина, там всегда дети, тепло и уют. Об этих моментах написано в рассказах.

Стихи о маме. Во второй части стихи детских, русских и советских поэтов о маме. Ведь о матерях написано много добрых, ласковых слов, но они отличаются тем, кому произведения предназначены. А в нашем сборнике собраны произведения, которые могут читать и родители, и дети, в семье или в одиночку.

Сборник предназначен для руководителей детского чтения, воспитателей, родителей и детей.

ТРУДНЫЙ ВЕЧЕР

Папа уезжал в командировку. Мама и Алёша провожали его. Папа нёс чемодан, а мама вела Алёшу за руку. Вернее, даже не вела, а тянула. Потому что Алёша не шёл, как все люди идут, — лицом вперёд. Алёша вертел головой и вправо и влево, но чаще всего ему казалось, что самое интересное остаётся позади. Перронная касса, контролёры у входа, огромный зал, где люди и вещи — всё вперемешку, длинная-предлинная платформа, вагоны дальнего следования, дачная электричка, мороженое в белых ящичках на каждом шагу...

Папа остановился у двери вагона, поставил на платформу чемодан, сказал: «Ну вот» — и взял Алёшу на руки.

Теперь Алёша отсюда, с высоты, мог видеть гораздо больше интересного, но всё это вдруг стало неинтересным. Совсем близко было папино лицо; папины глаза смотрели грустно.

— Папа, а она далеко, твоя командировка? Она большая?

Папа усмехнулся:

— Да как тебе сказать... Довольно далеко. И довольно большая. То есть длинная она, Алёшка, вот в чём беда! Теперь не скоро увидимся... Будь умницей, сынок, маму береги.

Алёша спросил:

— А как?

Но в эту минуту все заторопились, и папа заторопился. Он успел поцеловать маму и Алёшу, вскочил в вагон вместе с чемоданом, и поезд тронулся.

Вагоны сначала двигались потихоньку, как-то нерешительно. Потом побежали всё быстрее и быстрее, маме и Алёше уже трудно было догонять их. Промелькнул и как будто оторвался последний вагон. И платформа будто оборвалась. Оказалось, что она высокая, а внизу, переплетаясь, убегают вдаль серебряные рельсы.

— Осторожно! — сказала мама и отвела Алёшу от края.

Папин поезд отодвинулся, всё уменьшаясь, и наконец скрылся за домами и деревьями.

Сразу стало скучно без папы. Алёша хотел спросить маму, как же ему исполнить папино поручение: папа просил её беречь, а как беречь — не объяснил. Но только он об этом подумал, что-то зазвенело над самым ухом, мама крикнула: «Берегись!» — и схватила Алёшу за руку. По платформе мчалась тяжёлая тележка, на которой стоял носильщик в белом фартуке и горой лежали чемоданы и сундуки. Носильщик укоризненно покачал головой, тележка промчалась мимо.

В метро, когда шагнули на эскалатор, мама опять сказала: «Осторожней! Держись за перила!» Получалось всё время так, что не Алёша маму берёт, а мама его берегла, и как выйти из этого положения, Алёша не знал.

Не взять ли маму за руку, когда нужно будет переходить улицу, не сказать ли ей: «Осторожнее, мама! Посмотри сначала налево, а потом направо»? Ведь так полагается по правилам уличного движения.

А мама уже тут как тут:

— Ты, детка, не зевай по сторонам. Давай-ка лучше за руку перейдём.

Может быть, дома что-нибудь можно придумать?

А мама и там за своё:

— Пойдём, сынок, руки вымоем. Сейчас я тебе согрею молока. Ты, должно быть, уже спать захотел.

Молоко перегрелось, мама налила его на блюдце и поставила на подоконник:

— Берегись, детка, не трогай — горячо. Потерпи немного.

Мама присела на диван, а Алёша — на своё маленькое кресло, и оба стали терпеливо ждать, пока остынет молоко.

А спать Алёше очень хотелось. Сейчас мама покормит, разденет, уложит в кроватку — так будет хорошо!

Терпеливо ждать становилось всё труднее и труднее.

— Мама, я спать хочу!

Мама не ответила.

— Ма-ма! Дай молока!

Алёша подождал ещё немножко, но мама всё молчала. Он подошёл к маме и потянул её за руку:

— Мама, я спать хочу!

И увидел, что мама спит.

Алёша сразу почувствовал себя заброшенным и одиноким. В комнате было так тихо, что даже страшновато стало. Алёша набрал в себя побольше воздуха, чтобы зареветь погромче. А потом раздумал и не заплакал.

У мамы было такое спокойное, усталое лицо! Она лежала, прижавшись щекой к валику дивана, подобрал ноги, будто ей было холодно.

А может быть, и вправду ей холодно? Алёша знал, как неприятно, когда ночью сползёт одеяло — зябнешь, и не можешь как следует проснуться. А потом подходит мама и подтыкает со всех сторон, утепляет...

Ещё сегодня ночью мама два раза укрывала Алёшу. Первый раз в комнате было почти темно, только на столе горела маленькая лампа, завешенная чем-то тёмным со стороны Алёшиной кровати. Мама стояла в халате и что-то гладила. А во второй раз небо за окном было уже розовое, но маленькая лампа всё ещё горела. Мама сидела на корточках перед чемоданом и укладывала папины вещи. А папа вошёл в комнату и сказал:

«Ты когда же спать будешь? Ложись, теперь я всё успею».

Чем бы прикрыть маму, чтобы ей было тепло? Алёша взял большую серую пушистую шаль, как можно осторожнее накинул её на маму и старательно подоткнул со всех сторон. И сам залюбовался на свою работу — до того уютно маме стало лежать!

А самому спать всё-таки тоже хотелось. Но Алёша уже не чувствовал себя одиноким и покинутым. Наоборот, он был хозяином в комнате. Привстав на цыпочки, он деловито пощупал блюдце с молоком. Остыло совсем. Не очень-то приятно пить холодное молоко, но что же делать! Алёша придвинул к подоконнику стул и, стоя на коленках, потянулся губами к блюдцу.

Так. Одно дело сделано. Спать захотелось теперь ещё сильнее. Чистить зубы или не стоит? Кипячёная вода есть в графине. Ладно уж, пускай будет всё по правилам! Алёша налил воды в кружку и пошёл в ванную.

Теперь нужно опустить сетку кровати. Но железный крючок очень туго сидел в железной петельке. Отцепить крючок удалось только с одной стороны, и сетка почти не опустилась. Опять помог стул. Алёша придвинул его к кровати и перевалился со стула к себе на подушку. Но он забыл, что нужно сначала раздеться.

Труднее всего оказалось снять башмаки. Шнурки-бантики, такие послушные у мамы в руках, как только Алёша до них дотронулся, превратились в тугие узелки. Узелки пришлось распутывать при помощи ногтей и зубов. Наконец, совсем запыхавшись, Алёша освободился от башмаков. Ночная рубашка лежала под подушкой. Всё это хорошо, но как снять лифчик, когда пуговицы сзади? Алёша попробовал дотянуться рукой и расстегнуть верхнюю пуговицу, потом нижнюю. Ничего не выходило. Тогда он попытался просто сдёрнуть лифчик через голову. Сначала всё пошло хорошо: лифчик, слегка потрескивая, съехал со спины и груди, перешёл на плечи, но вдруг застрял около шеи и плотно привязал к голове оба Алёшиных локтя. Почему-то и ноги тоже потянуло кверху. Алёша почувствовал, что погибает, и хотел уже крикнуть: «Мама!»

Что-то больно щёлкнуло по коленке: это оторвалась пуговица слева и отпустила одну подвязку. Теперь левому боку стало посвободнее. Правую подвязку удалось отстегнуть. Ого! Лифчик двигается! Пошло, пошло... Ещё одно маленькое усилие — и Алёша, красный, потный, разгорячённый, смог наконец свободно вздохнуть. Снять чулки и надеть ночную рубашку — всё это было уже совсем просто.

Алёша с наслаждением вытянулся. Как он устал! Теперь можно спокойно поспать. И даже ничего, что лампа светит прямо в глаза. Маме тоже лампа светит прямо в глаза. Даже две лампы: та, что висит посередине комнаты, и та, которая стоит на письменном столе. С мужественным вздохом Алёша вылез из-под одеяла и снова перевалился через сетку кровати. Чтобы дотянуться до выключателя,

пришлось подтащить к нему стул. А чем бы повесить лампу на столе? Алёша взял свои полосатые штанишки и накинул их на лампу со стороны дивана. Для этого пришлось ещё один стул пододвинуть к письменному столу.

Теперь всё. Теперь можно спокойно спать. Когда Алёша опять перебирался через сетку, он уронил со стула лифчик и один башмак. Ну ничего. Мама не проснулась.

А жаль всё-таки, что папа никогда не узнает, какой у него сегодня был хороший, заботливый сын. Самому-то об этом неудобно будет рассказывать! И мама не узнает...

А мама спала и видела сны. Сначала ей снилось, что Алёша всю мебель в комнате сдвинул в один угол (это когда Алёша стулья передвигал). Потом, когда в комнате стало тихо, маме приснилось, что Алёша заснул одетый поперёк дивана и что нужно поскорее его раздеть и уложить в кроватку. «Ведь ему холодно», — думала мама. Несколько раз ей казалось, что она уже встала и укладывает Алёшу. Она сделала над собой усилие и открыла глаза.

В комнате было полутемно и очень тихо. Поперёк дивана заснула она сама, а не Алёша.

Кто прикрыл её шалью? Ведь папа уехал. Кто же мог это сделать? Где Алёша?

Мама испуганно оглянулась. Алёша спал у себя в кровати, раздетый, укрытый одеялом.

На подоконнике — пустая чашка и пустое блюдце. Может быть, заходил кто-нибудь из соседей, помог Алёше раздеться, погасил верхний свет, повесил настольную лампу? Чем повесил?

Мама улыбнулась. Мама увидела стулья, странным образом разбежавшиеся по всей комнате. Мама подняла с пола лифчик, застёгнутый на все пуговицы и вывернутый наизнанку.

Мама тихонько засмеялась и бросилась к двери. Ей хотелось сейчас же, сию минуту рассказать кому-нибудь, какой у неё замечательный, внимательный, какой у неё почти взрослый сын!

В коридоре было темно и тихо, все соседи давно уже спать легли. Тогда мама вернулась в комнату, перевесила полосатые штанишки так, чтобы свет не мешал Алёше... И начала писать папе длинное, гордое, счастливое, весёлое письмо.

Артюхова Н. А.

ДАНЯ

Санки везёт папа, а в санках сидит закутанный в одеяло Даня. Он глядит на дорогу и на холодное солнышко. Снег так весь и сверкает, даже глядеть нельзя. Но Даня всё равно глядит. Даня, Данилка, Даниил. Как только его не называют, и все по-разному. Правда, он совсем ещё маленький — такой, что даже не все буквы выговаривает. Даже в школу не ходит, а ходит в совхозный детсадик. Вернее, его увозят туда в санках. Увозят на всю неделю, а в субботу снова домой привозят. Сегодня ночью будет Новый год, и папа везёт Даню домой.

— Даня, Даня! — кричит с горы третьеклассник Борис. — Беги, Даня, сюда!

Но Даню, конечно, не отпустили на гору. Вдруг папа встретился с директором совхоза.

— Опять на третью ферму концентраты не подвезли! — сердито сказал директор.

Папа тоже почему-то заругался, потом вынул Даню из одеяла и велел идти домой.

— Ножками? — спросил Даня.

Папа ничего не сказал и опять заспорил с директором. Пришлось идти одному, хотя до дому было ещё порядочно. Даня долго перешагивал уроненную на дорогу жердь и чуть-чуть не чебурахнулся. Но вот, наконец, и родное крылечко. У Дани сердце замерло, как на качелях. Сейчас он маму увидит. Только сначала валенки надо венником обмести. Р-раз, р-раз — и всё! Ух, и здорово топает Даня своими новыми валенками! Дотянуться-то дотянулся, а двери всё равно самому не открыть!

— Эх ты, карандаш! — засмеялся отец и открыл дверь.

И сразу Даня маму увидел.

— Мама! Мама! — закричал он и чуть не заплакал: уж очень он ей обрадовался.

А мама откинула полотенце, которым она обтирала чайную посуду, и так прижала Даню к себе, что у него даже косточка какая-то хрустнула. Долго она его не отпускала.

Хорошо дома. Половики настланы по белому полу, кот Жмурик спит. Лапы свои вытянул и знай себе спит. Новые занавески мама повесила, печка топится и трещит, а Даня сидит у печки и ест пряник. Жмурика он сразу разбудил, и тот трётся о Даню и мурлычет. Мама гладит платье, отец газету читает, и мама слушает, что папа рассказывает. Чего-то про ферму, про концентраты.

— Вот, Даня, папу-то опять ругают, — сказала она, а Даня подошёл к отцу и серьёзно произнёс:

— Нельзя, папа, в штанишки писать!

— Да нет, его не за это ругают! — засмеялась мама.

Даня вытащил из-за комода ящик с игрушками. Вот он, мишка, с одним стеклянным глазом. И пожарная машина не заводится. Лягушка-квакушка пока заводится, но Даня ещё прошлый раз уронил в щёлку заводной ключик...

— Папа, достань ключик.

— Даня, иди сюда, не мешай папе, — говорит мама.

Даня подошёл и обжёг палец об утюг. Сразу стало больно и захотелось реветь.

— Знаешь, я сейчас принесу тебе ёлочку из кладовки, — сказала мама. — Хочешь ёлочку?

Конечно, Даня хотел. Мама надела пальто и без платка вышла в сени. Она принесла небольшую ёлочку.

— Во какая! — восхищённо сказал Даня про ёлочку.

Она была чуть побольше Дани, пахла зимой и лесом. Даня потрогал её за ветку. Колется! И начал прыгать на одной ноге, а мама обернула конец ёлочки бабушкиной фуфайкой и вложила в большое ведро. Теперь ёлочка стояла и не падала. Мама взяла из шкафа коробку с прошлогодними украшениями. У Дани даже дух захватило, какие были красивые шары. Целый год лежали, а ничего им не сделалось. И петух с красной бородой, и лиса на верёвочке, и бусы — всё тут было!

Мама разукрасила ёлку и поставила у дивана в маленькой комнате, но Дане всё равно захотелось ещё чего-то. Он сложил в ящик старые игрушки и направился в большую комнату.

— Ты чего, Даня? — спросила мама.

— Пошёл на обед.

Мама долго прижимала его к себе, и смеялась, и пела про Волгу.

Уже протопилась печка, Жмурик опять лёг спать, а Нового года всё не было. Даня запросился на улицу, и мама опять надела на него пальто и валенки.

— Гляди, Даня, за калитку не бегай! — сказала она, сняла с верёвки выстиранное бельё и ушла в дом.

Ох, и снегу на улице! Уже почти вечер, солнышко село, а снег всё равно белый. Только тропинки к воротам не белые — наверное, от валенок. Весь посёлок дымит тоже белым и пушистым дымком. Репродуктор у конторы кричит на морозе, ребята на горе катаются на лыжах, Борис тоже там.

— Иди сюда, Даня! — крикнул он. — Чего стоишь, иди сюда!

Но Дане туда нельзя. Тогда Борис подъехал к нему сам. Даня так и уставился на его настоящие лыжи.

— Даня, ты на кого будешь учиться? — спросил Борис.

— На папу. А ты?

Борис, опершись на палки, долго глядел на красную далёкую зарю. Он сдвигал и раздвигал свои брови.

— Даня, — зашептал он, — я скоро буду лунатиком. Хочу стать лунатиком. Буду ходить по проводам и по крышам. Все лунатики по крышам ходят. Бабушка говорит, если будешь на луне спать, обязательно будешь лунатиком. Она занавеску на окно повесила.

Даня слушал очень внимательно.

— ...хочу ходить по крышам. Я уже хотел раз поспать на луне, да спать уж больно хотелось. А сегодня обязательно не просплю и отодвину занавеску. Чтобы луна прямо в окошко светила...

— А моя бабушка летом приедет, — сказал Даня. — Моя бабушка — это мамина мама. Когда я большой буду, я ей заводные тапки куплю. Она толстая, у неё ноги тихо ходят.

— Тапки? — спросил Борис. — Таких и не продают. Где ты их купишь?

— В купилке.

— Не в купилке, а в магазине, — поправил Борис.

— В магазине, — как эхо, повторил Даня.

Вышла мама, ласково взяла Даню на тёплые руки и унесла, а Борис тоже поехал домой. Над посёлком зажглась яркая зелёная звезда, вдалеке, у конторы, проурчала машина, в домах загорались новогодние огни. Даня, засыпая, думал о бабушке, о заводной лягушке-квакушке и о Борисе, который хочет ходить по крышам.

— Мама, а я тоже буду лунатиком?

— Будешь, будешь. Спи, милый.

Он засыпал, этот счастливый Даня, а мама сидела рядом на диване и рассказывала сказку про тетерева и про лису. В большой комнате горел свет, а здесь ёлочка мерцала своими шарами у самой головы и Жмурик тоже был рядом. Глаза у Дани сами вдруг закрылись, и мама поцеловала его в щёку.

— Спи, маленький, спи.

«Мама, ты куда не уйдёшь?» — хотел спросить Даня, но не успел и сладко заснул. Ему снился детсадик и пушистый морозный снег, но не белый, а голубой. Жмурик пошёл по этому снегу, оглянулся на Даню и исчез в снегу. Лёгкая и далёкая тревога чуть кольнула Данино сердечко, но ему уже снился медвежонок с одним стеклянным глазом и ёлочка с голубыми шарами.

Вдруг Даня вздрогнул во сне. Вздрогнул от ночной тишины, открыл глаза и проснулся.

— Мама, — с надеждой позвал он.

В комнате было тихо, ему никто не отвечал.

— Мама! — уже со слезами в голосе крикнул Даня и вскочил.

В одних трусиках, босиком, натываясь на что-то, он пошёл в большую комнату. Но ни мамы, ни папы там не было, лишь белела под луной неразобранная кровать. И он заплакал, сначала тихо, потом всё громче и громче.

С улицы в окна сочился призрачный снежный свет, на стёклах мерцали звёздочки инея, за печкой тяжело ходил кот, и мамы нигде не было. Дане стало совсем горько, одиноко и страшно. Все его забыли, только в темноте тикал будильник. Вздрагивая всем тельцем и плача навзрыд, он с трудом влез на кровать и закричал:

— Мама, мамочка!

И опять ему никто не ответил! Светила в окошко луна, мерцал иней на стёклах, и кот ходил в темноте, но Даня уже не слышал, как он ходил. Даня зашёлся в плаче, захлебнулся и задрожал, как от холода.

Сколько времени проплакал Даня? Может быть, до самого Нового года, может, не до самого. Измученный тревогой, совсем обессиленный одиночеством, он заснул на неразобранной кровати.

Квадрат, освещённый новогодней луной, уже передвинулся далеко в сторону, когда за окном стукнула калитка. Вошла с улицы мать, весёлая, краснощёкая. Она сняла пальто, подошла к дивану и ахнула, кинулась в большую комнату.

— Даня! Где Даня?!

А отец уже стоял над сыном, который, свернувшись крохотным калачиком, ногами в изголовье, спал поверх покрывала.

— Даня, маленький, ну что ты? — Мама осторожно взяла Даню на руки.

Он вздрогнул, будто отголосок страшной ночи опять зазвучал в маленьком сердечке. Не открывая глаз, прижался к матери, крепко обхватил её за шею.

— Мама, мама миленькая, ты пришла?

От мамы пахло морозом, снегом и ещё чем-то, может быть луной. Даня снова был счастливым, снова мерцала шарами ёлочка, и снова Жмурик мурлыкал ему свою сказку.

И Даня опять заснул, теперь уже счастливее всех на свете.

За окном морозное облачко окутало тихую новогоднюю луну, совхозный посёлок белел пушистыми крышами. В комнате было тепло, ёлочные шары тихо звенели на колючих ветках. Даня дышал глубоко и счастливо.

Ты спишь, Даня? Твои страхи велики, но забывчивы, твоя тревога ушла, и мама сидит в твоём изголовье, а ты летаешь во сне, потому что растёшь. Ты будешь ходить по крышам, ты будешь летать по небу, ты увидишь луну. Когда-нибудь ты пройдёшь по золотой лунной кромке так же, как сейчас Новый год идёт по большой тревожной Земле. И синий громадный шар этой Земли будет светить тебе издалека.

Белов В. И.

ГАЛИНА МАМА

Глава первая

Есть на свете город Куйбышев. Это большой, красивый город. Улицы в нём зелёные, как сады, берега зелёные, как улицы, и дворы зелёные, как берега.

Под высоким берегом течёт Волга. По Волге летом ходят пароходы и причаливают то к тому, то к другому берегу.

Во время войны в городе Куйбышеве жили девочка Галя, Галина мама и Галина бабушка — их всех троих эвакуировали из Ленинграда.

Галина бабушка была ничего себе, хорошая, но мама была ещё лучше. Она была молодая, весёлая и всё понимала. Она так же, как Галя, любила бегать после дождя босиком, и смотреть картинки в старых журналах, и топить печку с открытой дверкой, хотя бабушка говорила, что от этого уходит на улицу всё тепло.

Целую неделю Галина мама работала. Она рисовала на прозрачной бумаге очень красивые кружки, большие и маленькие, и проводила разные линеечки — жирные или тоненькие как волосок. Это называлось «чертить».

По воскресеньям Галя и мама ездили на пароходе на другой берег Волги. Волга была большая. Плыли по ней плоты и лодки, шёл пароход, разгоняя в обе стороны длинные волны. А на берегу лежал волнистый мягкий песок, лез из воды упругий остролистый камыш с бархатными щёточками, и летали в тени стрекозы — несли по воздуху свои узкие тельца на плоских, сиявших под солнцем крыльях. Там было так хорошо, как будто совсем нигде нет никакой войны.

Вечером Галя и мама гуляли по набережной.

— Мама, машина! — кричала Галя. — Попроси!..

Галина мама медленно оборачивалась — не сидит ли у калитки бабушка. Если бабушки не было, она поднимала руку.

Грузовик останавливался.

— Подвезите нас немножко, пожалуйста, — говорила мама. — Моей девочке так хочется покататься!

Люди на грузовике смеялись. Потом какой-нибудь грузчик или красноармеец, сидящий в кузове, протягивал сверху руку.

Грузовик подпрыгивал на ухабах. Мама и Галя сидели в открытом кузове на мешке с картошкой или на запасном колесе, обе в ситцевых платицах, сшитых бабушкой, и держали друг друга за руки.

Галя смеялась. Когда машину подбрасывало, она кричала: «Ой, мама! Ай, мама!»

Ей хотелось, чтобы видел весь двор, вся улица, весь город Куйбышев, как они с мамой катаются на машине.

Машина тряслась на неровном булыжнике мостовой. Их обдавало пылью.

— Спасибо, товарищи, — говорила мама.

Машина вздрагивала и останавливалась.

— Галя, скажи и ты спасибо.

— Спасибо! — кричала Галя, уже стоя на мостовой.

Вверху улыбались красноармейцы.

Один раз, когда Галя с мамой гуляли по улицам города Куйбышева, они увидели, как в трамвай, идущий к вокзалу, садились пятеро молодых красноармейцев в полном снаряжении. Должно быть, они уезжали на фронт.

Красноармейцев провожали колхозницы. Колхозницы плакали и целовали своих сыновей и братьев.

Вся улица вокруг них как будто притихла.

Люди останавливались и молча покачивали головами.

Многие женщины тихонько плакали.

И вот трамвай дрогнул. Нежно звеня, покати́л он по улицам города Куйбышева. За ним побежали колхозницы, что-то крича и махая платками.

Галя с мамой стояли на краю тротуара и смотрели им вслед.

— Галя, — вдруг сказала мама, — я не хотела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать: я тоже скоро уйду на фронт.

— Галя, — вдруг сказала мама, — я не хотела тебе раньше говорить, но, наверно, уже пора сказать: я тоже скоро уйду на фронт.

Стемнело. На вокзале зажглись огни. В их жёлтом свете сиял, как лёд, сырой от дождя перрон.

Поезд тронулся. Бабушка побежала за вагоном.

Она кричала: «Дочка моя! Доченька моя дорогая!» — и хватала на бегу проводницу за рукав, как будто от неё зависело уберечь здоровье и счастье мамы.

А мама стояла в тамбуре за проводницей и говорила:

— Мамочка, не надо. Мамочка, оставь. Мамочка, я ведь не одна, неудобно... Не надо, мамочка!

Поезд ушёл в темноту. Галя и бабушка ещё долго стояли на перроне и смотрели на красный убегающий огонёк. И тут только Галя поняла, что мама уехала, совсем уехала. Без неё. И громко заплакала. Бабушка взяла её за руку и повела домой. Тихо-тихо повела. Бабушка не любила ходить быстро.

Глава третья

А мама в это время всё ехала и ехала.

В вагоне было почти совсем темно. Только где-то под самым потолком светился, мигая, фонарь. И оттуда вместе со светом шли облака махорочного дыма. Все скамейки были уже заняты.

Мама сидела на своём чемоданчике в коридоре вагона, увозившего её на фронт. Она вспоминала, как бабушка бежала за поездом в своём развевающемся

платке, вспоминала круглое личико Гали, её растопыренные руки, пальтишко, перехваченное под мышками тёплым вязаным шарфом, и ножки в маленьких тупоносых калошах... И она шептала, как бабушка: «Дочка моя, доченька моя дорогая!..»

Поезд шёл мимо голых деревьев, шумел колёсами и катил вперёд, всё вперёд — на войну.

Глава четвёртая

Есть на свете суровый, холодный край, называемый Дальним Севером. Там нет ни лесов, ни полей — есть одна только тундра, вся затянутая ледяной корой. Море, которое омывает этот студёный край, называется Баренцевым. Это холодное море, но в нём проходит тёплое течение Гольфстрим, и от этого море не замерзает.

Там стоял во время войны наш Северный флот.

Галина мама получила приказ быть связисткой при штабе флота.

Штаб связи помещался в скале — в самой настоящей серой гранитной скале. Матросы вырубили в ней глубокую пещеру. У входа всегда стоял часовой, а в глубине, под тяжёлым сводом, девушки-связистки днём и ночью принимали и передавали шифровки.

«Вот если бы моя Галя увидела, куда я попала! — иногда думала Галина мама. — Какая тут пещера и какие скалы!.. Когда будет можно, я ей про это напишу».

Но шла война, и писать о том, в какой пещере помещается штаб, было нельзя, да Галиной маме и некогда было писать длинные письма. То нужно было стоять на вахте, то дежурить на камбузе — так у флотских называется кухня, — то ехать по заданию начальника в город Мурманск или на полуостров, где держала оборону морская пехота и где шли в то время самые горячие бои.

Глава пятая

И вот однажды Галина мама поехала верхом на лошади отвозить важный пакет в боевую охрану Рыбачьего полуострова.

Вокруг неё было огромное белое поле, пустое и ровное.

Только далеко, там, где небо упирается в землю, стояли неровными зубцами горы.

Это был хребет Тунтури.

Нигде не росло ни деревца, ни кустарника. Снег и камень лежали на белой равнине. И шёл по равнине колючий ветер и бил в глаза лошадёнке и Галиной маме. И было так пусто кругом! Даже птицы не было видно в синем небе.

Лошадь проваливалась в сугробах и уходила в талую воду по самое брюхо.

С правой стороны в тундру врезался залив. Берег был однообразный: щебень и галька.

— Ну, ты, пошла, пошла! — понукала Галина мама свою лошадку.

И вот они выбрались к самому заливу — лошадь со взмокшим брюхом и мама в разбухших от воды сапогах.

Залив был гладкий, как лист глянцевиной бумаги. Высокое, синее, поднималось над ним небо. От синевы щемило в глазах и в сердце — так чист, так спокоен был небесный купол.

И вдруг воздух дрогнул. Откуда-то, со стороны Тунтурей, прилетела мина. С грохотом брызнули в небо камни и снег.

Лошадь прижала уши, и мама почувствовала, как она дрожит.

— Ну, старушка родная, гони! — закричала мама и изо всех сил пришпорила лошадь.

Лошадь дёрнулась, кинулась вскачь, хрипя и спотыкаясь. А вокруг них земля дрожала от новых взрывов.

Это фашист, который засел на сопках, обстреливал сверху подходы к нашим землянкам, чтобы никто не мог ни подойти, ни подъехать к ним.

Не успела мама отъехать от первой воронки и десяти метров, как что-то словно стукнуло её по плечу. Лошадь всхрапнула, взвилась на дыбы, а потом сразу упала на снег, подогнув передние ноги.

Мама сама не знала, долго ли она пролежала на снегу. Время было весеннее, солнце в тех краях весной и летом не заходит, и она не могла угадать, который теперь час. А часы у неё сломались.

Она очнулась не то от боли в плече, не то от холода, не то просто так. Очнулась и увидела, что лежит на взрытом снегу, рядом со своей убитой лошадкой.

Маме очень хотелось пить. Она пожевала снегу, потом потихоньку вынула ногу из стремени, поднялась и пошла вперёд. Рукав её куртки совсем взмок от крови. Её тошнило.

Но мама не возвратилась в штаб и даже ни разу не обернулась, не подумала, что можно возвратиться. Она шла вперёд, всё вперёд, одна в пустынном и белом поле. А вокруг неё тундра так и гудела от взрывов. Мёрзлые комья взлетали до самого неба и, дробясь на куски, валились вниз.

Мама шла очень долго. Она с трудом переставляла ноги и думала только одно: «Ну ещё десять шагов! Ну ещё пять! Ну ещё три!»

Она сама не поверила себе, когда увидела наконец, что беловато-серые зубцы гор совсем близко подступили к ней.

Вот уже виден и жёлтый дым наших землянок. Ещё сто раз шагнуть — и она пришла.

— Пришла!.. — сказала мама и упала в снег: ей стало совсем худо.

Минут через сорок бойцы заметили издали на снегу её чёрную шапку-ушанку.

Маму подняли и понесли на носилках в санитарную часть.

В санчасти на маме разрезали куртку и под курткой нашли пакет, который она принесла из штаба.

Глава шестая

В Куйбышеве бабушка и Галя получили письмо — не от мамы, а от начальника госпиталя.

Сначала они очень испугались и долго не могли понять, что там написано. Но потом всё-таки поняли, что Галина мама ранена, упала с лошади и чуть не замёрзла в снегу.

— Так я и знала! Так я и знала! — плача, говорила бабушка. — Чужло моё сердце!

— Моя мама ранена, — рассказывала Галя во дворе. — Мы так и знали!

Соседские девочки, которые отправляли подарки бойцам на фронт, сшили для мамы кисет и вышили: «Смело в бой, отважный танкист!» Они не знали, что Галина мама была связисткой.

Кисет с махоркой девочки отдали Галиной бабушке. Бабушка высыпала махорку и положила в кисет носовые платки, гребешок и зеркальце.

А потом Галя поехала с бабушкой в Москву, где лежала в госпитале мама.

Они остановились у родных, в Большом Каретном переулке, и каждый день ездили на троллейбусе номер десять навещать маму.

Бабушка кормила маму с ложечки, потому что мамины больные, отмороженные руки ещё не двигались. А Галя стояла рядом и уговаривала её, как маленькую: «Ну, съешь ещё немножечко! Ну, за меня! Ну, за бабушку!...»

Глава седьмая

И вот мама почти совсем поправилась. Её выписали из госпиталя и дали ей отпуск на месяц. Она опять научилась быстро ходить и громко смеяться, только руки у неё ещё не гнулись, и бабушка причёсывала её и одевала, как раньше одевала и причёсывала Галю. А Галя возила её через день в госпиталь на электризацию, брала для неё в троллейбусе билет, открывала ей двери, застёгивала на ней шинель. И мама называла её: «Мои руки».

Как-то раз мама получила открытку, на которой красивыми лиловыми буквами было выстукано по-печатному:

«Уважаемый товарищ, вам надлежит явиться в наградной отдел такого-то числа, в три часа дня».

Открытка была послана несколько дней назад, но пришла с опозданием. Такое-то число было уже сегодня, а до трёх часов оставалось всего полтора часа.

Мама, Галя и бабушка поскорей оделись и поехали в наградной отдел.

Они приехали без десяти три. Галя с трудом оттянула тяжёлую дверь, и они с мамой вошли в подъезд. А бабушка не захотела войти.

— Я лучше здесь подожду, — сказала она. — Уж очень я волнуюсь.

У вешалки с мамы сняли шинель, а Галя сама сняла свой тулупчик. И тут всем стало видно, что под шинелью у мамы — красивая, парадная форма офицера Военно-Морского Флота, а под тулупчиком у Гали — матросская блуза, перешитая бабушкой из маминой краснофлотской фланелевки.

— Глядите-ка! «Два моряка!» — сказала гардеробщица.

Они поднялись по широкой лестнице. Впереди шла мама, осторожно неся свои руки в перевязках, а сзади — Галя.

За дверью сказали: «Прошу!» — и они вошли.

У стола сидел человек. Перед ним лежала белая коробочка. Всё сияло на человеке: золотые погоны, два ряда пуговиц, золотые нашивки на рукавах и много орденов.

Галя и мама остановились у дверей.

Галя посмотрела на маму. Мама была так красиво причёсана! Над воротом синего кителя виднелся край крахмального воротничка. Из бокового кармана торчал платочек. А в кармане юбки — Галя это знала — лежал подарок куйбышевских ребят: кисет с надписью «Смело в бой, отважный танкист!». Как жалко, что кисета не было видно!

Мама стояла навтыжку. Рядом в матросской куртке стояла навтыжку Галя.

Человек покашлял и взял коробочку. Он сказал:

— За ваши заслуги в борьбе с захватчиками... — и протянул коробочку.

Но мамины руки лежали в чёрных перевязках. Они были в рубцах и лилово-красных пятнах, похожих на ожоги. Они защищали Родину, эти руки. На них остался багровый след её холодов и вражеского огня. И человек, стоявший против мамы, на минуту задумался. Потом он шагнул вперёд, подошёл прямо к Гале и отдал коробочку ей.

— Возьми, девочка, — сказал он. — Ты можешь гордиться своей мамой.

— А я и горжусь! — ответила Галя.

Но тут мама вдруг отчеканила по-военному:

— Служу Советскому Союзу!

И они обе — мама и Галя — пошли к двери.

Впереди шла Галя с коробочкой, сзади — мама с руками в перевязках.

Внизу, в подъезде, Галя открыла коробочку. Там был орден Отечественной войны — единственный орден, который передаётся по наследству детям.

У входа их поджидала бабушка. Она увидела мамин орден и громко заплакала. Все прохожие стали на них оглядываться, и мама сказала бабушке:

— Мамочка, не надо! Перестань, мамочка! Я ведь не одна. Таких много... Ну, не плачь, право же неудобно!..

Но тут какая-то пожилая женщина, проходившая мимо, заступилась за бабушку.

— Отчего же! — сказала женщина. — Конечно, матери очень лестно. И не захочешь, да заплачешь!

Но Галиной бабушке так и не удалось поплакать вволю на улице.

Галя тянула её за рукав. Она торопилась домой, в Большой Каретный.

Ей хотелось скорее-скорее рассказать во дворе всем ребятам, как и за что они получили орден.

А так как я тоже живу в Большом Каретном, в том самом доме, в том самом дворе, то и я услышала всю эту историю и записала её слово в слово от начала до конца — по порядку.

Георгиевская С. М.

РАССКАЗЫ О МАМЕ

Обида

Утром в воскресенье дети сидели на подоконнике и глядели во двор: ждали маму.

Во дворе дотаивали на солнце снежные кучи, и от крыльца к воротам под горку бежал ручей. Мохнатое существо, закутанное в платки и башлыки, похожее на медвежонка, носило на лопатке снег — от кучи к ручью.

— Нюшка, — сказала Маша с завистью, — гуляет. А мы тут сидим.

— Ну и что, — сказал Миша. — Мама сейчас придёт, и мы тоже пойдём гулять. Вон она, мама, в воротах, гляди, бежит.

Мама у Маши и Миши была молодая, тоненькая, как девочка, мама-подружка.

Папа плавал на ледоколе далеко в море, такая ему выпала служба, мама работала на фабрике, и дети часто и подолгу оставались дома одни с бабушкой.

Маму свою Миша и Маша любили.

Сегодня мама задержалась во дворе, и брат с сестрой глядели на эту задержку с неодобрением. Неужели она не понимает, её дети ждут! Что за человек! Ни с того ни с сего мама остановилась возле мохнатой Нюшки и долго смотрела на неё и смеялась. А потом стала завязывать и перевязывать бесчисленные Нюшкины шарфы, платки, башлыки, тесёмки от варежек и тесёмки от шапкиных ушей. Нюшка, видно, была довольна, стала крутить головой в разные стороны, а раньше не могла. А под конец, что уж было совсем ни к чему, мама расцеловала Нюшку в круглые красные щёки. Маша даже отвернулась, чтоб не видеть такое.

— Ну, — наконец сказала мама, — где мои дети? Куда они делись?

Молчание в комнате испугало маму.

— Что случилось?..— спросила она громко. — Почему молчите?

— Мы на тебя обиделись, — мрачно сказала Маша. — Мы здесь!

— Обиженные, — подтвердил Миша.

— За что? — спросила мама.

— Сама знаешь, за что, — сказал Миша. — Зачем Ньюшку целовала? Она что — твоя?

— Не твоя, — сказала Маша. — Не надо было её целовать.

— Башмаки у неё всегда развязываются, — сказал Миша. — Вчера у неё гамаша с ноги слезла и намокла. Нос у неё мокрый. Ты бы ей ещё нос вытерла.

— Вы, мои милые дети, что-то сегодня ерунду говорите, — сказала мама. — Я Ньюшу люблю, она хорошая девочка. Нос у неё сухой. Живёт она на нашем дворе, в нашем государстве. Мы с Катей, её матерью, рядом за станками стоим и на вас, шалопутов, работаем. А вы, дети мои, — глупые ревнивые дураки!

— Ладно, — сказала тогда Маша совсем обиженно. — Пусть глупые. Целуй умных.

Маша с Мишей залезли за диван и долго там сидели и шептались.

— Так, — говорил Миша громким, на всю комнату, шёпотом. — Мы на тебя ещё и папе пожалуемся, когда он приедет, чтоб не обзывала дураками. Мы тебе устроим.

— Жалуйся, ябеда, — сказала мама с другой стороны дивана. — Устраивай. Очень мне только интересно, вы со мной, обиженные, пойдёте гулять или останетесь дома?

Дети за диваном минуту помолчали.

— Можем пойти, — сказал Миша.

— Сделайте такое одолжение, — засмеялась мама. — Пожалуйста, пойдёмте.

Бабушка осталась печь пироги. Дети отправились с мамой в зоопарк, ходили там по мокрым весенним дорожкам.

Мама сказала:

— Отойдите от загородки подальше. У этого верблюда страшная морда, и он может на вас плюнуть.

— Верблюд этот совсем не страшный, — сказал Миша. — Это наш верблюд!

Маша добавила твёрдо:

— Мы этого верблюда любим. Ньюшка плюётся, когда сердится, а этот верблюд никогда.

— Вот что, — сказала мама и посмотрела на ребят с великим удивлением. — Вот что, — повторила она. — Вот, значит, какие мы!

Мама схватила в охапку Мишу и Машу и стала их тормошить и целовать, а они кричали: — Пусти! Целуй свою Нюшку!

Вечером Миша и Маша опять сидели за диваном. На этот раз они загадывали и разгадывали трудную загадку: за что они на маму обиделись?

Загадку эту они так и не разгадали: обижаться было не за что, да и вспоминалась обида с большим трудом.

Надо и не хочется

С вечера у мамы разболелась голова. Ночью Маша проснулась и увидела: мама сидит у стола под лампой и обеими руками сжимает голову у висков, так ей больно.

Маша сказала спросонок:

— Милая мамочка, мне тебя жалко.

И опять заснула.

Утром мама, как всегда, встала рано. Миша и Маша лежали и смотрели, как мама расчёсывает перед зеркалом волосы, а потом на кухне застучал крышкой чайник, бабушка вошла и сказала:

— Ну, лежебоки! Вставайте на работу. Живо!

Маша сказала:

— Работы у нас никакой нет, мы маленькие.

Миша сказал:

— Это ты маленькая, а я большой. Работа у меня есть: состругать табуретку. Кот её ободрал когтями. Можно её, конечно, состругать завтра...

Маша сказала:

— Мне надо сшить Матрёшке платье. Табуретка твоя — ерунда.

— Хватит разговаривать, — сказала бабушка и сдёрнула с ребят одеяла. — Мать сейчас уйдёт.

Мама сидела за столом бледная. Она и чашку с чаем не допила и плюшку не доела, а только сказала:

— Милые мои товарищи! Если бы вы знали, как вашей маме сегодня не хочется идти работать!

— Не хочется и не ходи, — сказал Миша. — Сиди дома.

— Конечно, не ходи, раз не хочется, — сказала Маша.

Мама посмотрела на ребят с удивлением и вроде даже не поняла, что они говорят.

— А как же быть, дети мои, если надо? — сказала она, стукнула Мишу легонько по затылку, поцеловала обоих ребят, оделась и ушла.

Сели ребята на диван, наморщили лобики и задумались. Думали, а о чём, кто знает?.. Часто, что ли, они так задумываются?

— Иди стругай табуретку, — сказала Маша.

Миша покачал головой и сказал:

— Чего-то не хочется.

— Надо! — строго сказала Маша. — Бабушка об неё вчера занозила палец.

Осталась Маша одна. Сшить, что ли, платьё Матрёшке или не сшить? Не хочется. А надо. Не ходить же Матрёшке голой.

Мама все понимает

Совсем, казалось, весна пришла, и вдруг небо нахмурилось и сверху посыпался снег. Миша и Маша пошли к бабушке на кухню и долго стояли возле плиты и молчали.

— Ну, — сказала бабушка, — говорите сразу, что надо.

Сразу говорить дети почему-то не умели.

— На улицу ты нас непустишь, — сказала Маша.

— Не пуццу, — подтвердила бабушка.

— Мы и не просимся, — сказал Миша.

— На улице грязно, — сказала Маша.

— Мокро, — добавил Миша. — Холодно.

— Скучно, — сказала Маша. — На улице никого нет.

— Какие умные дети! — воскликнула бабушка. — Ничего им объяснять не надо. Всё видят, всё знают сами.

— Милая бабуся, — сказала тогда Маша, — позволь, пожалуйста, мы позовём к себе Ньюшу и Федю.

— Гм! — сказала бабушка.

— Пожалуйста, — сказал Миша жалобно.

— Мы ничего не испачкаем и не разобьём, — сказала Маша. — Будем сидеть тихо.

— А во что вы будете играть? — спросила хитрая бабушка. — В футбол?

— Миша будет нам рассказывать про своё путешествие в Африку, — сказала Маша.

— Про чьё путешествие? — переспросила изумлённая бабушка.

— Про своё, — сказала Маша. — Очень интересно.

Через полчаса Ньюшка и её братишка Федя сидели в гостях у Миши и Маши. Ньюшка, когда с неё сняли шарфы, платки, шубку и варежки, оказалась очень гладенькой, толстой девочкой, и они с Федей были похожи друг на друга, как два мячика.

Дети сидели в комнате на самом деле тихо. Бабушка долго недоверчиво прислушивалась к тишине, а потом вытерла руки, отставила суп с конфорки и тоже пошла слушать про путешествие.

Миша, оказывается, в Африку уже приехал и теперь ходил в дремучем тропическом лесу и охотился на диких зверей. Нюшка и Федя слушали его молча, раскрыв рты, и всему верили.

Миша рассказывал здорово.

— Иду — никого нет. Сяду — лев! Сяду — тигр с тигрятами!

— Ой! — сказала Нюшка чуть слышно. — Я боюсь.

Миша посмотрел на неё презрительно.

— Иду дальше, — продолжал он. — Опять никого. Сел — обезьяна, как Нюшка, мохнатая. Макака! Не стал стрелять! Иду. Сяду — удав! Сяду — бегемот! Раз, и готово!

— Ты бы уж постоял, что ли, отдохнул, — сказала бабушка, явно жалея внука. — Легко ли эдак, вприсядку, по Африке.

— Ты, бабушка, в охоте не понимаешь, — сурово объяснил Миша. — Если стоять — звери не подойдут близко, увидят.

— Теперь-то уж поняла, — сказала бабушка. — Конечно, охотничье дело тонкое. Спасибо, внук, за науку. Нюшку только не обижай и макакой не зови! Сидите, сидите, я вас скоро чаем поить буду с вареньем.

Бабушка удалилась на кухню успокоенная и примирённая с Африкой. Увы! Тишина не продлилась до чая. Скоро из комнаты раздался страшный рёв и вой, и спустя минуту в кухню долетел отчаянный Нюшкин вопль. Это Миша, оказалось, нечаянно превратился в тигра, потом обратно в охотника, потом из охотника во льва. Лев прыгнул на Нюшку и защёлкал зубами...

Всё остальное бабушке не надо было рассказывать. Льву попало веником, Нюшке выдали конфету вне очереди. Чайник закипеть не успел.

Миша решил возвращаться из Африки. Скоро оттуда не доедешь. Хорошо, что у него под рукой была волшебная мамина кровать с блестящими никелированными шарами у изголовья. На этой кровати можно, как на самолёте, лететь куда угодно. Нужно только повернуть в разные стороны два блестящих шара, и кровать вылетит в окно мигом. Лучше всякого самолёта.

— Пожалуйста! — Миша пригласил слушателей садиться. Не оставаться же им в африканских лесах без Миши.

Трудно будет только удержаться вчетвером на пружинном матрасе; как-никак вылетать с третьего этажа.

— Держитесь крепче! Лезьте! Нюшку мы посадим. Нюшка побледнела и сказала коротко:

— Не полечу!

Миша сказал:

— Ерунда. Лети!

Нюшка схватилась за диван и за ковёр на полу обеими руками. Голос у неё стал переходить на визг, словно на улице с ходу притормаживали машину.

— Не полечу. Не трогай. Ай!

Миша сказал громко:

— Федька! Помоги мне её отодрать от дивана.

Маша сказала:

— Чудачка! Это охотничьи рассказы. Никто никуда не полетит.

Нюшка завизжала удивительно, ни на что не похоже. Бабушка в коридоре выронила чайник из рук; хорошо, что не обварилась. Нюшку успокаивали полчаса.

Вечером бабушка сказала маме категорически:

— Наташа! Мишку надо за враньё выпороть. Язык у него подвешен не как у людей. С таким языком долго ли до беды? Нюшку он сегодня напугал до полусмерти.

Дети за диваном слушали со страхом.

Маша прошептала:

— Очень уж Нюшка кричала пронзительно.

— Бабке, конечно, вся вера, — пробурчал Миша, прислушиваясь. — Ишь ты, расписывает.

Бабушка тем временем досказывала происшествие до конца.

— А ведь это, пожалуй, и не враньё, — задумчиво сказала мама.

— А что? — спросила бабушка.

— Фантазия, — ответила мама тихо. — Выдумка. А ну, подите сюда, охотники.

Дети вылезли из-за дивана и стали... руки по швам...

— Как там погода в Африке? — спросила мама.

— Тёплая, — сказал Миша и подмигнул Маше: мама всё поняла.

Мамины руки

Такой это был несчастный, нехороший день! С утра до вечера Маша капризничала, ссорилась с бабушкой, в комнате убираться не стала, читать не училась, в тетрадку ничего не писала, а только сидела в углу и хлюпала носом.

Мама пришла, и бабушка ей пожаловалась: целый, мол, день капризничает девчонка и никакого сладу с ней нет.

Мама спросила:

— Что же с тобой, дочка, делается? Ты не больна ли? — и положила Маше на лоб свою руку.

Руки у мамы были удивительные; сухие, чуть шершавенькие, но такие лёгкие и добрые.

На этот раз Маша только головой мотнула и стряхнула с себя мамины руки.

— Фу, — сказала она. — Фу, мамочка! Какие у тебя руки нехорошие.

— Ну вот! — удивилась мама. — Сколько лет жили дружили, а теперь стала нехороша. Чем же тебе, дочка, мои руки сегодня не понравились?

— Жёсткие, — ответила Маша. — Царапаются.

Мама посмотрела на свои руки. Маше показалось, грустно.

— Руки обыкновенные, — сказала мама. — Рабочие руки. Ничего уж с ними не поделаешь.

Встала и ушла в ванную мыться.

Маше так вдруг стало жалко маму.

Она уже хотела бежать за ней, бабушка непустила.

— Сиди! — сказала бабушка грозно. — Сиди! Мать обидела ни за что. Руки у твоей матери золотые, это все знают. Материными руками добра сделано — на десять таких, как ты, хватит; полотном, которое мать наткала, полземли устлать можно. Даром что молода, а сноровиста. Мать у тебя не белоручка, работница, плохого в том нет. Станешь к станкам на материно место — дай тебе бог такой быть, обидчица!

— Я её обидеть не хотела, — сказала Маша плача.

— Не хотела, да обидела, — сказала бабушка. — Так тоже бывает. За языком поглядывай. Руки у твоей матери верно, что жёсткие, а вот сердце мягкое... Я бы на её месте тебе как полагается всыпала, горячих... Надрала бы уши.

Мама вернулась и услышала, как бабушка ворчит, а Маша плачет, и сразу не разобралась в чём дело.

— Не стыдно тебе ещё и бабушку обижать, — сказала она. — Сердце у бабки отходчивое. Я бы на её месте...

— Знаю, знаю! — закричала Маша неожиданно весело и бросилась к матери целоваться и обниматься. — Знаю.

— Ничего ты не знаешь, — сказала мама. — А если знаешь — говори.

— Знаю, — сказала Маша. — Ты бы на бабушкином месте надрала мне уши. Я ведь твои руки обидела.

— Ну и надеру, — сказала мама. — Чтоб не обижала.

— Бабушка тоже говорила, — сказала Маша из угла, — что если бы она была на твоём месте, то надрала бы. А на своём — вы обе не можете.

Бабушка и мама переглянулись и засмеялись.

Мамино горе

Что такое счастье—кто знает? Мама говорила: счастье у каждого своё.

Так, наверно, и есть на самом деле.

Бабушкино счастье свой срок на земле отслужило и лежало завёрнутое в бумажку в большой красной коробке у бабушки на комод. Миша и Маша один раз залезли потихоньку в красную коробку, когда бабушки не было дома, и нашли

в ней две дедушкины медали и тоненькое золотое колечко. Дедушку убили на войне. Дети это знали. Бабушкино счастье они завернули обратно в бумажку, коробку поставили на место и целый день сидели по разным углам и опять думали.

Дети привыкли верить в мамино счастье. Мама у них была счастливая. Вот и сегодня она вернулась с работы, бабушку обняла и сказала:

— Нашу Трёхгорку сегодня наградили орденом Ленина. Ой, как я рада!

Бабушка спросила:

— А тебя, дочка, не наградили?

Мама ответила весело:

— Меня в этот раз не наградили. Наградной лист нам, говорят, пишут.

Бабушка сказала:

— Характер у тебя, Наталья, счастливый. Умеешь ты радоваться не за себя, а за других. Это хорошо.

Через три дня всё стало плохо. Мама сидела с бабушкой за столом и пила чай, дети лежали в кроватках и шёпотом ссорились. Маша сегодня сломала Мишину удочку — доставала удочкой из-под дивана катушку с нитками. Конечно, Миша сердился. Маша отдавала за удочку Матрёшкину синюю кофту. Миша не брал и требовал две тетрадки и красный карандаш. Вдруг мама сказала:

— Такое горе, такое горе... Катя заболела.

Миша даже привскочил на кровати и опять лёг. Вот тебе и раз. А они думали, что у счастливой мамы горя никогда не бывает.

Бабушка сказала по-своему:

— Ты, Наталья, не расстраивайся. Всё перемелется, мука будет. Поправится Катерина, вот увидишь. Это ведь не царское время, когда рабочему человеку жизни не было. Вылечат. Только надо её лечить с умом и со скоростью.

Мама сказала:

— Кате фабричный комитет дал бесплатную путёвку в санаторий, и завтра она уезжает. Всё равно беспокойно.

— Характер у тебя, Наталья, скверный, — вздохнула бабушка. — Горюешь не за себя, а за других.

— Катерина — моя сменщица и подруга, — сказала мама сурово. — Кому же о ней горевать, как не мне. Дети останутся одни на целый месяц.

— С таким гореваньем тебя надолго не хватит, — сказала бабушка.

— Хватит и останется, — сказала мама. — Мы народ крепкий.

— Останется! — подтвердили дети радостным хором. — Мы крепкие.

Мама даже вскочила со стула.

— Спать сейчас же! — рассердилась мама. — Это ещё что за фокусы? Вот уж действительно горе моё.

— А вчера говорила, что радость, — пробормотал Миша. — Тебя пойми.

На другой день мама вроде была весёлая, ходила по комнате и пела. Маша теперь сидела у стола хмурая и молчаливая. Миша в углу стругал табуретку.

Мама посмотрела на Машу.

— Ну, — сказала она, — что затуманилась?

— Ничего я не затуманилась, — сказала Маша. — Нюшка и Федя остались одни. Тётя Катя уехала.

— Тебе-то что, — сказала мама. — Уехала и уехала.

— Нюшка — моя подруга, — сказала Маша. — Кому же о ней беспокоиться, как не мне.

— Федька плачет с утра, — сказал Миша.

— Возьмём Нюшку и Федю к нам жить, пока тётя Катя не вернётся, — сказала Маша.

— Конечно, возьмём, — сказал Миша. — Зачем беспокоиться зря. Взяли, и делу конец.

Так и решили. Взяли Нюшку и Федю. Жили все вместе целый месяц. Выздоровела тётя Катя и вернулась.

Бабушка сказала:

— Ну вот, жители. Погоревали, и хватит.

Конец

Все как будто несчастья кончились, точно их и не было, а всё-таки какая-то грустинка из дома не убежала и где-то в нём спряталась.

Миша и Маша слышали: мама, когда в комнате гаснет свет, о чём-то вздыхает, а ночью иногда вдруг вскрикивает. Бабушка тогда просыпается и говорит маме:

— Спи, Наташа, спи, милая.

Дети забеспокоились и пошли к бабушке: нет ли у мамы ещё какого горя, чем они могут маме помочь?

— Ладно уж, утешители, — сказала бабушка. — Горя у матери никакого нет. Просто она об Николае, о вашем отце, соскучилась и о нём беспокоится. Плавает-то ведь он не в корыте, а в Северном Ледовитом океане. Там сейчас такого нанесло льда, что даже отцовский ледокол дорогу к берегу никак не проложит. Поняли?

— Поняли, — сказали дети. — А что же нам теперь делать?

— Ничего не делать, — сказала бабушка. — Мать не расстраивать и ждать. У моря погоды и отцовского благополучного возвращения.

Все они вчетвером друг друга больше не расстраивали и ждали. А потом весна и в Северном Ледовитом океане чуток растопила и подвинула льды, и

ледокол пробился. В Москве уже травка появлялась кое-где и почки набухали на деревьях, когда Миша вдруг сорвался с подоконника с отчаянным криком:

— Папа приехал!

ЕМЕЛЬЯНОВ Б. И.

ЕЩЕ МАМА

Еще мама

— А я, когда вырасту, я в школу ходить не буду! – сказал Артем своей матери, Евдокии Алексеевне. – Правда, мама?

— Правда, правда, - ответила мать. – Чего тебе ходить!

— Чего мне ходить? Ничего! А то я пойду, а ты заскучаешь по мне. Не надо лучше!

— Не надо, - сказала мать, - не надо!

А когда прошло лето и стало Артему семь лет от роду, Евдокия Алексеевна взяла сына за руку и повела его в школу. Артем хотел было уйти от матери, да не мог вынуть свою руку из ее руки; рука у матери теперь была твердая, а прежде была мягкая.

— Ну что ж! - сказал Артем. - Зато я домой скоро приду! Правда, скоро?

— Скоро, скоро, - ответила мать. - Поучишься чуть-чуть и домой пойдешь.

— Я чуть-чуть, - соглашался Артем. - А ты по мне дома не скучай!

— Не буду, сынок, я не буду скучать.

— Нет, ты немножко скучай, - сказал Артем. — Так лучше тебе будет, а то что! А игрушки из угла убирать не надо: я приду и сразу буду играть, я бегом домой прибегу.

— А я тебя ждать буду, – сказала мать, – я тебе оладьей нынче испеку.

— Ты будешь ждать меня? – обрадовался Артем. - Тебе ждать не дожидаться! Эх, горе тебе! А ты не плачь по мне, ты не бойся и не умри смотри, а меня дожидайся!

— Да уж ладно! – засмеялась мать Артема. – Уж дождусь тебя, милый мой, авось не помру!

— Ты дыши и терпи, тогда не помрешь, – сказал Артем. — Гляди, как я дышу, так и ты.

Мать вздохнула, остановилась и показала сыну вдаль. Там, в конце улицы, стояла новая большая рубленая школа - ее целое лето строили, – а за школой начинался темный лиственный лес. До школы отсюда еще было далеко, до нее протянулся долгий ряд домов - дворов десять или одиннадцать.

— А теперь ступай один, - сказала мать. - Привыкай один ходить. Школу-то видишь?

— А то будто! Вон она!

— Ну иди, иди, Артемушка, иди один. Учительницу там слушайся, она тебе вместо меня будет.

Артем задумался.

— Нету, она за тебя не будет, – тихо произнес Артем, – она чужая.

— Привыкнешь, Аполлинария Николаевна тебе как родная будет. Ну, иди!

Мать поцеловала Артема в лоб, и он пошел далее один.

Отошедши далеко, он оглянулся на мать. Мать стояла на месте и смотрела на него. Артему хотелось заплакать по матери и вернуться к ней, но он опять пошел вперед, чтобы мать не обиделась на него. А матери тоже хотелось догнать Артема, взять его за руку и вернуться с ним домой, но она только вздохнула и пошла домой одна.

Вскоре Артем снова обернулся, чтобы поглядеть на мать, однако ее уже не было видно.

И пошел он опять один и заплакал. Тут гусак вытянул шею из-за изгороди, крякнул и защемил клювом штанину у Артема, а заодно захватил и живую кожу на его ноге. Артем рванулся прочь и спасся от гусака. "Это страшные дикие птицы, – решил Артем, – они живут вместе с орлами".

На другом дворе были открыты ворота. Артем увидел лохматое животное с приставшими к нему репьями, животное стояло к Артему хвостом, но все равно оно было сердитое и видело его.

"Ктой-то это? – подумал Артем. — Волк, что ли?" Артем оглянулся в ту сторону, куда ушла его мать, - и не видать ли ее там, а то этот волк побежит туда. Матери не было видно, она уже дома, должно быть, это хорошо, волк ее не съест. Вдруг лохматое животное повернуло голову и молча оскалило на Артема пасть с зубами.

Артем узнал собаку Жучку.

— Жучка, это ты?

— Р-р-р! – ответила собака-волк.

—Тронь только! – сказал Артем. —Ты только тронь! Ты знаешь, что тебе тогда будет? Я в школу иду. Вон она виднеется!

— Ммм, – смирно произнесла Жучка и шевельнула хвостом.

— Эх, далече еще до школы! – вздохнул Артем и пошел дальше.

Кто-то враз и больно ударил Артема по щеке, словно вонзился в нее, и тут же вышел вон обратно.

— Это кто-то еще? – напугался было Артем. – Ты чего дерешься, а то я тебе тоже... Мне в школу надо. Я ученик – ты видишь!

Он поглядел вокруг, а никого не было, один ветер шумел павшими листьями.

— Спрятался? - сказал Артем. - Покажись только!

На земле лежал толстый жук. Артем поднял его, потом положил на лопух.

— Это ты на меня из ветра упал. Живи теперь, живи скорее, а то зима настанет.

Сказавши так, Артем побежал в школу, чтобы не опоздать. Сначала он бежал по тропинке возле плетня, да оттуда какой-то зверь дыхнул на него горячим духом и сказал: "Ффурфурчи!"

— Не трожь меня: мне некогда! – ответил Артем и выбежал на середину улицы.

На дворе школы сидели ребята. Их Артем не знал, они пришли из другой деревни, должно быть, они учились давно и были все умные, потому что Артем не понимал, что они говорили.

— А ты знаешь жирный шрифт? «Ого!» —сказал мальчик из другой деревни.

А еще двое говорили:

— Нам хоботковых насекомых Афанасий Петрович показывал!

— А мы их прошли уже. Мы птиц учили до кишок!

— Вы до кишок только, а мы всех птиц до перелёта проходили.

"А я ничего не знаю, – подумал Артем, – я только маму люблю! Убегу я домой!"

Зазвенел звонок. На крыльцо школы вышла учительница Аполлиария Николаевна и сказала, когда отзвенел звонок:

— Здравствуйте, дети! Идите сюда, идите ко мне. Все ребята пошли в школу, один Артем остался во дворе.

Аполлиария Николаевна подошла к нему:

— А ты чего? Оробел, что ли?

— Я к маме хочу, – сказал Артем и закрыл лицо рукавом. - Отведи меня скорее ко двору.

— Нет уж, нет! – ответила учительница. — В школе я тебе мама.

Она взяла Артема под мышки, подняла к себе на руки и понесла.

Артем исподволь поглядел на учительницу: ишь ты, какая она была, - она была лицом белая, добрая, глаза ее весело смотрели на него, будто она играть с ним хотела в игру, как маленькая. И пахло от нее так же, как от матери, теплым хлебом и сухою травой.

В классе Аполлиария Николаевна хотела было посадить Артема за парту, но он в страхе прижался к ней и не сошел с рук. Аполлиария Николаевна села за стол и стала учить детей, а Артема оставила у себя на коленях.

— Эх ты, селезень толстый какой на коленях сидит! - сказал один мальчик.

— Я не толстый! – ответил Артем. — Это меня орел укусил, я раненый.

Он сошел с коленей учительницы и сел за парту.

— Где? – спросила учительница. — Где твоя рана? Покажи-ка ее, покажи!

- А вот тут! - Артем показал ногу, где гусак его защебил.

Учительница оглядела ногу.

— До конца урока доживешь?

— Доживу, – обещал Артем.

Артем не слушал, что говорила учительница на уроке. Он смотрел в окно на далекое белое облако; оно плыло по небу туда, где жила его мама в родной их избушке. А жива ли она? Не померла ли от чего-нибудь — вот бабушка Дарья весною враз померла, не чаяли, не гадали. А может быть, изба их без него загорелась, ведь Артем давно из дому ушел, мало ли что бывает.

Учительница видела тревогу мальчика и спросила у него:

— А ты чего, Федотов Артем, ты чего думаешь сейчас? Почему ты меня не слушаешь?

— Я пожара боюсь, наш дом сгорит.

— Не сгорит. В колхозе народ смотрит, он потушит огонь.

— Без меня потушат? – спросил Артем.

— Без тебя управятся.

После уроков Артем первым побежал домой.

— Подожди, подожди, – сказала Аполлигария Николаевна. — Вернись назад, ты ведь раненый.

А ребята сказали:

— Эх, какой – инвалид, а бегаешь!

Артем остановился в дверях, учительница подошла к нему, взяла его за руку и повела с собою. Она жила в комнатах при школе, только с другого крыльца. В комнатах у Аполлигарии Николаевны пахло цветами, тихо звенела посуда в шкафу, и всюду было убрано чисто, хорошо.

Аполлигария Николаевна посадила Артема на стул, обмыла его ногу теплой водой из таза и перевязала красное пятнышко - шипок гусака - белой марлей.

— А мама твоя будет горевать! – сказала Аполлигария Николаевна. — Вот горевать будет!

— Не будет! – ответил Артем. — Она олады печет!

— Нет, будет. Эх, скажет, зачем Артем в школу нынче ходил? Ничего он там не узнал, а пошел учиться – значит, он маму обманул, значит, он меня не любит, скажет она и сама заплачет.

— И правда! – испугался Артем.

— Правда. Давай сейчас учиться.

— Чуть-чуть только, – сказал Артем.

— Ладно уж, чуть-чуть, - согласилась учительница. — Ну, иди сюда, раненый.

Она взяла его к себе на руки и понесла в класс. Артем боялся упасть и прильнул к учительнице. Снова он почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле матери, а незнакомые глаза, близко глядевшие на него, были не сердитые, точно давно знакомые. "Не страшно", – подумал Артем.

В классе Аполлинария Николаевна написала на Доске одно слово и сказала:

— Так пишется слово "мама". – И велела писать эти буквы в тетрадь.

— А это про мою маму? – спросил Артем.

— Про твою.

Тогда Артем старательно начал рисовать такие же буквы в своей тетради, что и на доске. Он старался, а рука его не слушалась; он ей подговаривал, как надо писать, а рука гуляла сама по себе и писала каракули, не похожие на маму. Осерчавши, Артем писал снова и снова четыре буквы, изображающие "маму", а учительница не сводила с него своих радующихся глаз.

— Ты молодец! – сказала Аполлинария Николаевна.

Она увидела, что теперь Артем сумел написать буквы хорошо и ровно.

— Еще учи! – попросил Артем. — Какая это буква: вот такая - ручки в бочки?

— Это Ф, – сказала Аполлинария Николаевна.

— А жирный шрифт что?

— А это такие вот толстые буквы.

— Кормлёные? – спросил Артем. — Больше не будешь учить – нечему?

— Как так "нечему"? «Ишь ты какой!» — сказала учительница. — Пиши еще!

Она написала на доске: "Родина".

Артем стал было переписывать слово в тетрадь, да вдруг замер и прислушался.

На улице кто-то сказал страшным заунывным голосом: "У-у!", а потом еще раздалось откуда-то, как из-под земли: "Н-н-н!"

И Артем увидел в окне черную голову быка. Бык глянул на Артема одним кровавым глазом и пошел к школе.

— Мама! – закричал Артем. Учительница схватила мальчика и прижала его к своей груди.

— Не бойся! - сказала она. – Не бойся, маленький мой. Я тебя не дам ему, он тебя не тронет.

— У-у-у! – прогудел бык.

Артем обхватил руками шею Аполлинарии Николаевны, а она положила ему свою руку на голову.

— Я прогоню быка. Артем не поверил.

— Да. А ты не мама!

— Мама!.. Сейчас я тебе мама!

— Ты еще мама? Там мама, а ты еще, ты тут.

— Я еще. Я тебе еще мама!

В классную комнату вошел старик с кнутом, запыленный землей; он поклонился и сказал:

— Здравствуйте, хозяева! А что, нету ли кваску испить либо воды? Дорога сухая была...

— А вы кто, вы чьи? – спросила Аполлинария Николаевна.

— Мы дальние, - ответил старик. - Мы скрозь идем вперед, мы племенных быков по плану гоним. Слышите, как они нутром гудят? Звери лютые!

— Они вот детей могут изувечить, ваши быки! – сказала Аполлинария Николаевна.

— Еще чего! – обиделся старик. — А я-то где? Детей я уберегу!

Старик пастух напился из бака кипяченой воды – он полбака выпил, вынул из своей сумки красное яблочко, дал его Артему. "Ешь, – сказал, точи зубы", – и ушел.

— А еще у меня есть еще мамы? – спросил Артем. — Далеко-далеко, где-нибудь?

— Есть, – ответила учительница. — Их много у тебя.

— А зачем много?

— А затем, чтоб тебя бык не забодал. Вся наша Родина – еще мама тебе.

Вскоре Артем пошел домой, а на другое утро он спозаранку собрался в школу.

— Куда ты? «Рано еще», — сказала мать.

— Да, а там учительница Аполлинария Николаевна! – ответил Артем.

— Ну что ж, что учительница. Она добрая.

— Она, должно, уже соскучилась, – сказал Артем. — Мне пора.

Мать наклонилась к сыну и поцеловала его на дорогу.

— Ну, иди, иди помаленьку. Учись там и расти большой.

ПЛАТОНОВ А.

СТИХИ О МАМЕ

Подвигнут я тобою

Когда был я ребёнком, родная моя,
Если детское горе томило меня,
Я к тебе приходил, и мой плач утихал:
На груди у тебя я в слезах засыпал.
Я пришёл к тебе вновь...
Ты лежишь тут одна,
Твоя келья темна, твоя ночь холодна,
Ни привета кругом, ни росы, ни огня...
Я пришёл к тебе... жизнь истомила меня.
О, возьми, обними, уврачуй, успокой
Моё сердце больное рукою родной.
О, скорей бы к тебе мне, как прежде на грудь,
О, скорей бы мне там задремать и уснуть.

Апухтин А. Н.

Мама

Ну, одену я одежду –
Новую, парадную...
Ну, приеду...
Что скажу?
Чем тебя порадую?
Золотыми ли часами?
Молодыми ли усами?
Встреча добрая такая –
по часам и по усам
ты узнаешь, дорогая, –
зарабатываю сам.
Помнишь, ты меня родила,
на руках меня носила
и счастливою была.
Ты всегда меня просила:
Будь моя утеха-сила, –
И Борисом назвала.
Помнишь, ты меня кормила
и слезою хлеб солила
и картошки напекла –
полагаю, не забыла, –

сколько горя в жизни было,
как печальна была.
Ты, наверное, постарела.
(Постареем, мама, все)
Красота твоя сгорела
на июльской полосе.
Скоро я к тебе приеду –
Рослый, шляпа на боку,
Прямо к жирному обеду,
к золотому молоку.
Я пройду красивым лугом,
как и раньше – молодцом,
вместе с мамой,
вместе с другом,
вместе с ласковым отцом.
Я скажу,
а вы поверьте,
плача,
радуясь,
любя,
никогда
до самой смерти –
не забуду я тебя.

Корнилов Б. Т.

Материнские слёзы

Матери моей Федосье Дмитриевне
Как подули железные ветры Берлина,
как вскипели над Русью военные грозы!
Провожала московская женщина сына...
Материнские слёзы,
материнские слёзы!
Сорок первый – кровавое, знойное лето
Сорок третий – атаки в снега и морозы.
Письмецо долгожданное из лазарета...
Материнские слёзы,
материнские слёзы!
Сорок пятый – за Вислу идёт расставанье,
Землю прусскую русские рвут бомбовозы.
А в России не гаснет огонёк ожидания –

материнские слёзы,
материнские слёзы!
Пятый снег закружился, завьюжил дорогу
над костями врага у можайской берёзы.
Сын седой возвратился к родному порогу...
Материнские слёзы,
материнские слёзы!

Недогонов А. И.

Пишите письмо матерям

Поют гитар проходных струны
в тайге, в горах, среди морей...
О, сколько вас сегодня, юных,
живёт вдали от матерей!
Вы вечно, юные, в дороге –
То там объявитесь, то тут...
А ваши матери в тревоге
вестей от вас все ждут и ждут.
Они считают дни, недели,
слова роняя невпопад...
Коль рано матери седеют –
Не только возраст виноват.
И потому, служа солдатом
или скитаясь по морям,
почаще все-таки, ребята,
пишите письма матерям!

Викулов С. В.

Есть светлый на земле приют,
Любовь и верность там живут.
Все, что порой лишь снится нам,
Навеки приютилось там.

То – сердце матери! Оно
Так нежно, верно! Суждено
Ему жить радостью твоей,

Чести ярмо твоих скорбей...

Койдула Л.

Мать

Мать Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!"
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее - тернового венка...

Некрасов Н. А.

Моей матери

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?

Мало ли жару в сердечном огне?
Месяц холодный тебе не ответит
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...

Блок А. А.

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы слышали твой тихий зов,

С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.
Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.
К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.
С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!
Все бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

Цветаева М.

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешен иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Фет А.

Письмо матери

Ты жива еще, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Есенин С.

Поговори со мною мама

Давно ли песни ты мне пела,
Над колыбелью наклоняясь.
Но время птицей пролетело,
И в детство нить оборвалась.
Поговори со мною, мама,
О чем-нибудь поговори,
До звездной полночи до самой —
Мне снова детство подари.
Доволен я своей судьбою,
Немалый в жизни пройден путь.
Но очень хочется порою
Мне снова в детство заглянуть.
Минуты сказочные эти
Навек оставлю в сердце я.
Дороже всех наград на свете
Мне песня тихая твоя.

Гин В.

Чем пахнет мама

По субботам духами
Пахнет мамин наряд,
Так идут они маме —
И духи, и театр.

В воскресенье — блинами,
Завтрак — вот он, готов!
Так подходит он маме,
Этот запах блинов.

В понедельник — делами
Сразу дом наш пропах,
Так подходит он маме —

Этот запах бумаг.

Но скажу, между нами,
По секрету скажу:
Я родной своей маме
Больше всех подхожу!

Бондур О.

Ну что ты не спишь и все ждешь упрямо?
Не надо. Тревоги свои забудь.
Мне ведь уже не шестнадцать, мама!
Мне больше! И в этом, пожалуй, суть.
Я знаю, уж так повелось на свете,
И даже предчувствую твой ответ,
Что дети всегда для матери дети,
Пускай им хоть двадцать, хоть тридцать лет
И все же с годами былые средства
Как-то меняться уже должны.
И прежний надзор и контроль, как в детстве,
Уже обидны и не нужны.
Ведь есть же, ну, личное очень что-то!
Когда ж заставляют: скажи да скажи! —
То этим нередко помимо охоты
Тебя вынуждают прибегнуть к лжи.
Родная моя, не смотри устало!
Любовь наша крепче еще теперь.
Ну разве ты плохо меня воспитала?
Верь мне, пожалуйста, очень верь!
И в страхе пусть сердце твое не бьется,
Ведь я по-глупому не влюблюсь,
Не выйду навстречу кому придется,
С дурной компанией не свяжусь.
И не полезу куда-то в яму,
Коль повстречаю в пути беду,
Я тотчас приду за советом, мама,
Сразу почувствую и приду.
Когда-то же надо ведь быть смелее,

А если порой поступлю не так,
Ну что ж, значит буду потом умнее,
И лучше синяк, чем стеклянный колпак.
Дай твои руки расцеловать,
Самые добрые в целом свете.
Не надо, мама, меня ревновать,
Дети, они же не вечно дети!
И ты не сиди у окна упрямо,
Готовя в душе за вопросом вопрос.
Мне ведь уже не шестнадцать, мама.
Пойми. И взгляни на меня всерьез.
Прошу тебя: выбрось из сердца грусть,
И пусть тревога тебя не точит.
Не бойся, родная. Я скоро вернусь!
Спи, мама. Спи крепко. Спокойной ночи!

Асадов Э.

Разбуди меня завтра рано

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.

Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

Есенин С.

Мама – простое, казалось бы, слово

Мама – простое, казалось бы, слово,
А сколько в нем нежности, ласки, тепла.
Ребенок лопочет его бестолково,
Ручонки раскинув, припухший от сна.

В печали и в радости мы произносим,
То робкое «мама», то резкое «мать».
Порой на чужбине вдруг сердце запросит
Совсем незнакомую – мамой назвать.

А дома так часто ей делаем больно
Поступками, взглядами, жестами мы,
Потом вдалеке вспоминаем невольно
О том, что прибавило ей седины.

И пишем на школьных листках торопливо
Признанья своей запоздалой вины.
Она их читает, краснеет стыдливо,
И в горьких морщинах слезинки видны.

Давно без письма все обиды простила,
А тут ей до боли приятно прочесть:
«Спасибо, родная, за то, что растила,
За то, что ты любишь! За то что ты есть!»

Не стареет твоя красота

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильнее.
Пролетит неслышно над ней
Словно легкие птицы лета.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слёз
И копна темно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Ты идёшь по земле молодой,
Зеленеет трава за тобой
По полям, по дорогам идёшь
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая береза в лесу
Поднялась и ровна, и бела
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота,
Слышно ль, женщины в поле поют
Голос памятный все узнают
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома
Стихнет листьев шумливая дрожь
Ты поёшь, потому так поёшь
Потому что ты песня сама.

Твардовский А.

Важное совещание, или что подарить мамам

Всё в лесу шумит, поёт —
Праздник мамин настанёт!
Нужно всем обговорить:
Будем мамам что дарить?

Скажут папы-обезьяны:
— Купим мамам мы бананы!
Чтоб варили круглый год
Нам банановый компот.

Скажут папы-хомячки:
— Купим мамам мы крючки!
Чтобы день-деньской до ночи
Нам вязали свитерочки!

Скажут-скажут папы-мишки:
— Купим-купим мамам крышки!
Купим баночки, коренья —
Варят мамы пусть варенье!

Ну а зайка на опушке
Мчится вдаль, раскинув ушки,
Эй, постой! Куда же ты?

— Я спешу купить цветы!
Ведь зачем дарить крючки?
Эх, вы, мишки, хомячки!

Чтобы мамы отдыхали,
Чтоб как пташечки порхали,
Будем-будем мам любить!
Будем им цветы дарить!

Так что хватит думать много!
Все за мною в путь-дорогу!
За подарком — самый час!
Ждут с цветами мамы нас.

А цветы, где взять — найдём!
К мамам с ними в лес пойдём,
Праздник мам — ведь день большой...
Мам мы любим всей душой!

Авдеев А.

Разговор о маме

От чистого сердца,
Простыми словами
Давайте, друзья,
Потолкуем о маме.
Мы любим её,
Как хорошего друга,
За то, что у нас
С нею всё сообща,
За то, что, когда
Нам приходится туго,
Мы можем всплакнуть
У родного плеча.

Мы любим её и за то,
Что порою
Становятся строже
В морщинках глаза.
Но стоит с повинной
Прийти головою —
Исчезнут морщинки,
Умчится гроза.

За то, что всегда
Без утайки и прямо
Мы можем доверить
Ей сердце своё.
И просто за то,
Что она – наша мама,
Мы крепко и нежно
Любим её.

Саконская Н.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асадов, Э. А. Стихотворения / Э. А. Асадов. – Москва : Молодая гвардия, 1978. – 126 с. – Текст : непосредственный.
2. Барто, А. Л. Стихи детям : 2 т. / А. Л. Барто. – Москва : Детская литература, 1976. – 399 с. ил. – Текст : непосредственный.
3. Белов, В. Даня: рассказ / В. Белов. – Текст : непосредственный // Привычное дело : повести и рассказы / В. Белов. – Москва, 2005. – С. 707-711.
4. Голявкин, В. В. Избранное / В. В. Голявкин. – Ленинград : Детская литература, 1989. – 511 с. : ил. – Текст: непосредственный.
5. Гончаров, И. Ф. Подвигнут я тобою. Слово о матери / И. Ф. Гончаров. – Ленинград: Детская литература, 1988. – 144 с. : ил. – Текст : непосредственный.
6. Мама : сборник / сост. В. Гиленко, И. Векшегонова. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – С. 20. – Текст : непосредственный.
7. Мать: стихотворения русских и советских поэтов о матерях / сост. В. Коротаяева. – Москва : Молодая гвардия, 1979. – С. 34.
8. Осеева, В. А. Синие листья : сказки, рассказы / В. А. Осеева. – Москва: Малыш. – 2018. – 158 с. ил. – Текст : непосредственный.
9. Платонов, А. Ещё мама : рассказ / А. Платонов. – Москва : Детская литература, 1990. – 16 с. – Текст : непосредственный.
10. Твоя мама: стихи советских поэтов: сборник. – Москва : Детская литература, 1988. – 30 с. – Текст : непосредственный.